

Глава II. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИМУЩЕСТВА

Переворот 31 мая оказал также влияние на продажу национальных имуществ, конфискованных у церкви и у дворян. До тех пор продажа этих имуществ шла больше всего на пользу зажиточной буржуазии. Теперь же монтаньяры приняли некоторые меры, чтобы те, кто сам хотел работать на земле, тоже могли покупать эти земли.

Когда началась продажа имений, конфискованных у церкви, часть из них начали было делить на мелкие участки и покупателям давалось 12 лет рассрочки для уплаты покупной цены ежегодными взносами. Но по мере того, как усиливалась реакция 1790 и 1791 гг., постановка этого дела начала изменяться на пользу крупной буржуазии. Кроме того, так как государство нуждалось в деньгах, то надо было торопиться с продажей, и земли предпочитали продавать тем, кто покупал большие имения целиком, хотя бы даже с целью перепродажи и спекуляции, лишь бы сразу вносились большие суммы. Крестьяне, конечно, составляли в некоторых местностях товарищества, чтобы сообща покупать имения; но законодатели недружелюбно относились к таким товариществам, и громадная доля национальных имуществ перешла в руки скупщиков, спекуляторов, отчасти даже иностранных компаний. Мелкие землевладельцы, а тем более батраки и ремесленники, жившие по деревням, и вообще бедные жаловались; но Законодательное собрание не обращало никакого внимания на их жалобы*.

- Sagnac Ph. La legislation civile de la Revolution Francaise. Paris, 1898, p. 177.

Уже во многих наказах 1789 г. высказывалось желание, чтобы казенные земли и земли «мертвой руки» вокруг Парижа были разбиты на участки и сдавались в аренду по 2 и по 3 десятины. В провинции Артуа требовали даже, чтобы размеры ферм не превосходили известной величины*. Но, как справедливо заметил уже Авенель, «ни в речах, произнесенных по этому предмету в Собрании, ни в изданных законах — нигде нет ни слова в пользу безземельных... Никто не предложил в Собрании организации народного кредита, чтобы бедные люди могли бы приобрести хотя частицу земли... Никакого внимания не было обращено даже на желание, высказанное некоторыми газетами, в том числе и официальным «Монитором», которые предлагали, чтобы половина пущенных в продажу имуществ была разделена на участки ценой в 5 тыс. франков с целью создать таким образом мелких землевладельцев**». Участки покупались либо теми из крестьян, которые уже имели свою землю, либо буржуа из города, что было встречено очень враждебно в Бретани и Вандее и послужило впоследствии, когда вернулись Бурбоны в 1815 г., сильным оружием реакции против республиканских и вообще передовых воззрений.

- Ibid., p. 80.

** Avenel C. *Lundis revolutionnaires*. Paris, 1875, p. 29—30; Кареев Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879, с. 470.

Но вот народ восстал 10 августа. Тогда под угрозой народных движений Законодательное собрание постаралось успокоить недовольство и приказало, чтобы земли, отобранные у эмигрантов (лучшие церковные земли уже были распроданы), были разбиты на участки от 1 до 2 десятин и продавались «в вечность за уплату постоянной ренты, платимой деньгами». Впрочем, тем, кто платил капитальную сумму наличными, все-таки давалось предпочтение.

3 июня 1793 г., т. е. на другой же день после изгнания из Конвента жирондистских вождей. Конвент обещал выделить около полдесятины земли каждой пролетарской семье в деревнях. Некоторые представители Конвента, разосланные по провинциям с обширными полномочиями, так и поступали: они раздавали самым бедным крестьянам небольшие участки земли. Но только 2 фримера II года (22 ноября 1793 г.) Конвент постановил, что национальные имущества, пускаемые в продажу, необходимо должны быть разбиваемы на возможно мелкие участки. При про даже имений, отобранных у эмигрантов, были также выработаны условия, выгодные для бедных, и они удержались вплоть до 1796 г., когда вернувшаяся реакция уничтожила их.

Нужно, впрочем, сказать, что финансы республики все время оставались в самом жалком положении. Налоги, конечно, поступали очень плохо, а война поглощала миллиарды и миллиарды. Ассигнации колебались и жестоко падали в цене, и в таких условиях казне необходимо было как можно скорее выручать наличные деньги от продажи государственных имуществ, чтобы погашать соответственное число ассигнаций. Поэтому все правители — монтаньяры, точно так же как и жирондисты, гораздо менее думали о крестьянах, чем о немедленной реализации наибольших сумм денег. Предпочтение всегда отдавалось тому, кто платил деньгами при покупке земель; и благодаря этому составлялись так называемые «черные банды» скупщиков и спекуляторов.

И все-таки при всем том, несмотря на все спекуляции и злоупотребления, продажи совершались в значительном количестве и малыми участками. Наряду с крупными буржуа, которые сразу нажились на покупке национальных имуществ, в некоторых частях Франции, особенно восточных, громадные количества земель перешли, как это доказал профессор Лучицкий, в руки бедных крестьян. В этих областях совершилась настоящая революция в распределении земельной собственности.

Кроме того, революция постаралась также нанести прямой удар классу больших собственников из аристократии и разрушить крупную собственность вообще, уничтожая право первородства при наследовании. С этой целью уже 15 марта 1790 г. было отменено феодальное законодательство о наследствах, в силу которого все имение передавалось одному только из потомков, обыкновенно старшему сыну. Затем, год спустя, по закону 8—15 апреля 1791 г. всякое неравенство в долях наследства окончательно отменялось. «Все наследники в разной степени родства наследуют равные доли имуществ, переходящих к ним по закону», — говорилось в этом законе. Затем число наследников было увеличено зачислением в законные наследники более далеких родственников и незаконных детей; и наконец, 7 марта 1793 г. Конвент уничтожил самое «право завещания и дарственной

записи». «Все потомки будут иметь право на равные части имущества», — гласил этот закон.

Таким образом, дробление имуществ становилось обязательным, по крайней мере при наследовании.

Каковы были последствия этих трех крупных мер: уничтожения феодальных прав без выкупа, возвращения общинам их мирских земель и продажи имуществ, отобранных у духовенства и эмигрантов? Как повлияли они на распределение земельной собственности? Этот вопрос обсуждают до сих пор, и ответы на него остаются разноречивыми. Можно даже сказать, что ответы получаются различные, смотря по тому, какую часть Франции преимущественно изучал тот или другой исследователь*.

- В Кот д'Ор церковные имущества были скуплены преимущественно средним сословием, а не крестьянами. Земли же эмигрантов в той же области были куплены преимущественно крестьянами. В Лаоннэ (Laonnais) крестьяне больше скупили церковных земель, чем буржуазия, тогда как земли эмигрантов распределились приблизительно поровну между крестьянами и буржуазией. В северной части Франции много земель было куплено товариществами крестьян (Sagnac Ph. Op. cit., p. 188).

Но одно выступает ярко, и в этом сомнения нет. Земельная собственность разбилась на более мелкие участки; там же, где революция увлекла за собой массы народа, большое количество земель перешло на несомненно выгодных условиях крестьянам. И везде, повсеместно, застарелая черная нужда, нищета и голод, обычные при «старом порядке», начали исчезать. В XIX в. уже не было тех хронических голодовок, какими отличался XVIII в.

До революции голод свирепствовал каждый год в той или другой части Франции. Крестьяне жили тогда так, как теперь живут в России. Сколько бы ни работал крестьянин над своей землей, у него не хватало хлеба от одной жатвы до другой. Пахал он плохо; семена были из рук вон плохи; скотина была оголодавшая, мелкая, истощенная недоеданием и не давала нужного удобрения. Из года в год урожаи становились все хуже да хуже.

Но вот пришла революция. Ее ураган был ужасен. Страдания, которые вынес народ во время революции, особенно вследствие войны, доходили до отчаянного напряжения. По временам казалось, что пропасть, разверзшаяся перед Францией, сожрет ее! А после революции пришла Директория с ее безумной роскошью нажившейся буржуазии, а затем — ужасные войны Наполеоновской империи. В 1814 г. возвратились Бурбоны, посаженные на французский престол коалицией иностранных королей и императоров. А с ними пришел белый террор, еще более ужасный, чем красный террор. И люди поверхностные спешат вывести заключение: «Вы видите сами, — говорят они, — что революции ни к чему не ведут?»

Но были две вещи, которых никакая реакция не могла изменить. Франция была настолько демократизована революцией, что человек, проживший несколько времени во Франции, если он живет потом в любой другой стране, Англии, Германии, Бельгии и т. д., не может постоянно не замечать, что в этих странах еще не совершилась Великая революция.

Крестьянин во Франции стал человеком. Он более не тот «дикий зверь», которого описывал Ла Брюйер. Он стал мыслить. Но и самый вид деревенской Франции в корне изменился со времени революции, и даже белый террор не смог вернуть крестьянина под прежнее иго. Конечно, во Франции, как и везде, осталось еще слишком много бедности. Но эта бедность — богатство по сравнению с тем, чем была Франция 150 лет тому назад, и с тем, что мы видим до сих пор в других странах, оставшихся при старых земельных порядках.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 26 апреля 2025 18:50:55
██████████ ██████████ обновил 26 апреля 2025 18:52:00